

Эта история основана на реальных событиях, но описанные в ней персонажи и ситуации являются вымышленными. Если реальность окажется похожей на вымысел, автор за это ответственности не несет.

Для тех, кто не читал два предыдущих романа: не бойтесь, вы без труда разберетесь в этой истории. Являясь последним актом человеческой драмы, она обладает самостоятельным сюжетом, так что просто доверьтесь ему. Моим верным читателям: я рад, что вы держите в руках эту книгу, и искренне надеюсь, что она не обманет ни ваших ожиданий, ни ... ваших страхов.

Желаю приятного чтения. Я буду с вами на протяжении пятисот страниц, до самого последнего слова.

*Максим Шаттам,
Эджкомб, январь 2003 г.*

«Сможет ли весь океан великого Нептуна смыть эту кровь с моей руки? Нет, скорее эта рука окрасит волны в багряный цвет, превратив зеленую бездну моря в красную...».

У. Шекспир, «Макбет»

Пролог

Портленг, июнь 2001

Сидни Фолстом, судебно-медицинский эксперт и директор портлендского морга, взяла в руки скальпель. Луч утреннего солнца, заглянув в окно, сверкнул на остром лезвии.

Привычным движением доктор Фолстом отрезала ветку у самого основания и посадила ее в землю. Отступив назад, осмотрелась. Прилегающая к кабинету небольшая оранжерея была ее гаванью отдыха, живым благоухающим спокойствием в царстве мертвых.

— Расти, дорогая, порадуй меня, — пробормотала Сидни, по-матерински ласково поправив черенок.

Растения всех форм и расцветок завладели пространством светлого помещения настолько, что будто сам воздух стал плотнее. Сидни вытерла лоб. Июнь только начался, а на улице уже нестерпимо жарко.

Она ненавидела летний зной.

Теперь тела будут прибывать распухшими, сильно разложившимися. Брюшное «зеленое пятно», обычно ограниченное областью правой подвздошной ямы, распространится по всему животу. Липкие организмы будут кишмя кишеть личинками мясной мухи. Нет, лето ей определено не по душе.

Поморщившись, Сидни натянула зеленый халат и вышла через неприметную дверь в глубине комнаты. Ее ждала работа.

В подвале Института судебно-медицинской экспертизы доктор Фолстом мыла руки, пытаясь сосредоточиться. В зеркале отражалась высокая элегантная женщина, в которой остальные видели лишь строгую и высокомерную начальницу с пронизывающим взглядом. В светло-золотистых волосах виднелись седые пряди, которые она с каждым днем ненавидела все больше. Они напоминали не только о том, что ей давно перевалило за сорок, но и о том, что она совершенно одна.

Доктор Фолстом решительно вздохнула, выключила воду и, постучав, открыла дверь. Ее лицо мгновенно приняло вежливое выражение.

За дверью ждал молодой человек с аккуратно зачесанными волосами, укрощенными несколькими тоннами лака. Одетый в безумно элегантный бежевый костюм, он перемещался с предельной точностью, будто просчитывая каждое движение. Все в нем выдавало полицейского.

— Мистер Котленд? — удивленно воскликнула она. — Стало быть, атторней* прислал своего заместителя. Полиция нашего города не соизволит присутствовать на вскрытии?

Бентли Котленд озадаченно вскинул брови и улыбнулся.

— Инспектор Ллойд Митс сейчас изучает место, где был найден труп. Если нам потребуются какие-нибудь сведения, мы сможем связаться с ним в любой момент, — сказал он, доставая мобильный телефон.

«Он хочет увильнуть от вскрытия!» — подумала Сидни.

В помещении витал лекарственный дух смерти, воздух был пропитан неприятной терпкой смесью запаха безжизненной плоти и антисептиков.

В центре зала над трупом висела мощная хирургическая лампа.

— Ну, так кому же в столь срочном порядке понадобилось вскрытие? — спросила Сидни.

---

* А т т о р н е й — в западных странах доверенный представитель, оказывающий юридические услуги какому-либо лицу или компании. В США атторней также государственное должностное лицо, которое выполняет функции обвинителя или защитника. Атторней участвуют наряду с полицией в расследовании уголовных дел.

Котленд подошел к телу. Уже более полутора лет он работал в офисе атторнея и повидал довольно, чтобы не встревожиться, взглянув на розоватое лицо умершего. Он знал, что легендарная бледность покойников не является систематической аксиомой и часто кожа сохраняет свой цвет несколько часов, лишь потом приобретая восковой оттенок.

— Это Иеремия Фишер. Домработница обнаружила его пять часов назад, в постели, — проговорил Котленд, обращаясь к доктору Фолстом. Доктор кивнула и спросила:

— Инспектор Митс позвонил мне сегодня утром и попросил произвести вскрытие сразу. К чему такая спешка?

Котленд поднял палец, показывая, что как раз собирался об этом заговорить.

— Фишер женат, но мы не нашли никаких следов его супруги. Ни у них дома, ни у него на работе. Мы связались с родственниками, но тщетно. Домработница сказала, что вчера разговаривала с хозяином по телефону и ничего необычного не заметила. Работавший на месте судмедэксперт увидел на его правой ладони след от укуса. Мы хотим как можно скорее установить причину смерти, прежде чем приступим к поискам жены.

— Хорошо. Я проведу вскрытие, чтобы убедиться, что повреждений нет. Но если причина смерти в отравлении, на что очень похоже, то результаты анализов будут готовы только после обеда.

Котленд пожал плечами.

— Чем раньше, тем лучше. Готов поклясться, что мадам Фишер сейчас уже мало что поможет.

Сидни Фолстом натянула перчатки и приступила к предварительному обследованию тела: взвешиванию и изучению трупа под микроскопом в поисках незаметных на первый взгляд синяков или ссадин. Она сняла пластиковые пакеты, в которые были завернуты руки и ноги покойного, и внимательно изучила кожу. Тщательно выскребла грязь из-под ногтей мужчины, надеясь обнаружить в ней фрагменты кожи или запекшейся крови, но безуспешно.

— Следов борьбы нет, — пробормотала она.

Обнаженный Иеремия Фишер лежал на холодном стальном столе. Его рот был слегка приоткрыт. Судмедэксперт внимательно

но изучила его глазные яблоки, надеясь обнаружить в них точечные кровоизлияния, свидетельствующие об удушении.

С точностью и быстротой, свойственными человеку, выполняющему свою работу каждый день, доктор Фолстом вонзила лезвие скальпеля в левую руку покойника и провела черную линию по жировому слою мышцы так, что на поверхности не появилось ни одной капли крови.

— Внутренних кровоизлияний тоже нет, — заметила она, раздвигая края плоти.

Обойдя вокруг стола, Синди сделала такой же надрез на правой руке Фишера. Бентли Котленд следил за ее действиями с нескрываемым отвращением.

Когда лезвие рассекло кожу, рука покойника вдруг задрожала. Пальцы разжались и сжались снова. У Котленда появилось неприятное ощущение, будто Иеремия сжимает кулак, чтобы стерпеть боль.

— Это нормально?

— Что именно? — спросила Сидни Фолстом, поднимая глаза на заместителя атторнея.

— Ну, то, что у него рука шевелится.

Доктор Фолстом отступила назад, но не заметила ничего странного.

— Он пошевелил пальцами, — едва слышно промолвил Котленд.

— Вы уверены?

— Конечно! Я жутко испугался!

— Должно быть, я задела его руку и не заметила.

— Было похоже на то, что он сам пошевелился. Может, это посмертный рефлекс?

Доктор Фолстом посмотрела молодому человеку прямо в глаза.

— Маловероятно. Тело уже начало коченеть. Этот человек умер семь или восемь часов назад.

Котленд открыл рот, но возражать не решился. Он сел на стул и достал из кармана жевачку. Но едва положил ее в рот, как сразу выплюнул в упаковку и глубоко вздохнул, изо всех сил стараясь успокоиться.

Сидни приступила к глубокому вскрытию от подбородка до лобка. Отогнув сбоку грудинно-ключично-сосковую мышцу, она

кончиком пальца пощупала внутреннюю часть шеи. Следов внутреннего кровоизлияния там тоже не было. Обнажив грудину и брюшную полость, она отложила скальпель и взяла новый.

Так она дошла до мочевого пузыря. Затем, воспользовавшись методом Вирхова, Сидни на месте изучила органы и их анатомические связи.

Лезвие, сверкавшее в ярком свете, внезапно остановилось. Заметив это, Котленд поднял голову.

— Что? Что там такое? — взволнованно спросил он.

Его тревога усилилась, когда он увидел на лице судмедэксперта тень сомнения.

— Это...странно. Кожа только что отреагировала.

Бледный как смерть Котленд с трудом поднялся на ноги.

— Странно, — повторила Сидни Фолстом. — Никогда прежде такого не видела. На бедрах появилась гусиная кожа.

— Гусиная кожа? Та, что появляется, когда нам холодно?

— Нет, это невозможно, но...

Доктор Фолстом положила скальпель на тележку и склонилась над телом. Ее лицо стало белым как снег.

Вдруг плечо покойника задрожало.

От этого движения из его внутренностей выпало несколько зажимов.

После этого Иеремия Фишер застыл.

Дрожа всем телом, Котленд зажал рот рукой.

— Санта Мария Матерь Божья, он что, жив?

— Не говорите глупостей.

— А это вы как объясните? — воскликнул Котленд. — Он шевелился, и у него гусиная кожа, черт возьми!

Изо всех сил стараясь сохранять хладнокровие, Сидни Фолстом взяла в руки маленькую лампу.

— Заместитель Котленд, вам следует знать: сюда попадают только те «пациенты», у которых отсутствует дыхание, не прослушивается пульс, а зрачки не реагируют на свет. Всего полчаса назад я убедилась в этом сама. Поверьте, ошибка исключена.

Подняв веко покойного, она поднесла к его глазу лампу.

— Смотр...

Слова замерли на ее губах.

Ее колени задрожали, перчатки стали влажными от пота.

Ее окутал чудовищный мрак, и больше она ничего не видела.
Наука исчезла где-то далеко, а вместе с ней все непоколебимые истины этого мира. Все это всосал в себя зрачок.

Иеремия Фишер задрожал всем телом.

Сидни окаменела. Она была не в силах пошевелиться, она не хотела шевелиться. Ее сковал страх.

Она знала, что сойдет с ума, если посмотрит вниз.

Окончательно и бесповоротно.

Год спустя

Гора Худ находится в пятидесяти километрах к востоку от Портленда, штат Орегон. Она напоминает колосса с содрванной кожей, скрюченного и обезглавленного временем. Ее окружают другие горы и холмы, похожие на ласковые волны и следующие за ней на многие десятки километров. Густой лес, покрывающий весь пейзаж и пронизанный клочками тумана, заканчивается где-то далеко на горизонте. Это дикая территория Национального лесного заповедника «Гора Худ», огромного растительного мира, полного опасных бездн и бурных водоворотов.

Крошечный автомобиль, поблескивающий в лучах июньского солнца, был похож на жемчужину, затерявшуюся в самом сердце этого изумрудного ложа.

В кабине джипа раздался треск рации.

— Адриен?... Адриен?... Это Джим.

Адриен Арк положил кирку на кожаное кресло автомобиля и взял в руки микрофон.

— Это Адриен. В чем дело?

— Нам позвонили из Агентства по охране окружающей среды. У них по-прежнему нет новостей от их сотрудника по имени Флетчер Салиндро. Не мог бы ты пойти проверить? Он вышел сегодня утром в направлении большой поляны за Игл Крик. Поляна Игл Крик Семь.

Адриен поставил ногу на борт джипа и облокотился о крышу.

— Хорошо, я проверю. А что там делал этот Флетчер? — спросил он.

— Ничего особенного. Он ушел в сторону поляны, после чего не отправил ни одного сообщения по радиии и не отвечал на вызовы коллег из Портленда. Они хотят, чтобы мы убедились, что с ним все в порядке. Сделай, что сможешь. Спасибо.

Адриен снял шляпу и бросил ее на заднее сиденье вместе с собранными образцами мха и веток.

Мотор взревел, подняв в воздух стаю птиц, и джип помчался по обрамленной кустарником дороге.

Адриен работал здесь уже три года и знал все местные тропы как свои пять пальцев. Это была его стихия — дикий парк площадью почти девяносто на шестьдесят километров, западная часть которого находилась в его ведении. Работа Адриена заключалась в том, чтобы наблюдать за флорой и фауной, за жизнью леса, предупреждать пожары и — крайне редко — проводить спасательные операции. Туристы-новички почти никогда не сходили с помеченных троп или же удалялись от них не настолько далеко, чтобы заблудиться. Лес был слишком велик, чтобы пробудить жажду исследований в том, кто был к этому не готов. Все знали, что потеряться здесь означает погибнуть.

Адриен двигался на север по крутому склону. Проехав десять километров вдоль бурной реки, он миновал заброшенную хижину на Игл Крик — груду досок, бывшее пристанище охотников — и остановился на поляне.

Он с наслаждением укрылся в тени пихт и, обойдя вокруг поляны, заметил за кустом папоротника красный пикап. Ключи торчали в замке зажигания, стекла были опущены, на переднем сиденье лежала раскрытая карта. Скорее всего, этот тип где-то поблизости. Адриен наклонился, чтобы осмотреть поляну из-под навеса листвы.

Она была очень большой и слегка поднималась вверх в форме полумесяца. Из высокой травы то тут то там выступали одинокие деревья, груды упавших стволов или развороченные пни, напоминавшие волшебные замки.

Выйдя из спасительной тени листвы, Адриен почувствовал, как на него свинцовой тяжестью навалилась жара. Откуда-то, будто в знак приветствия, донесся одинокий крик сокола.

Лесник достал из кармана очки, чтобы хоть как-то защитить глаза от палящего солнца.

Этот Флетчер, должно быть, где-то рядом. Может, поднялся по поляне вверх или вздремнул где-нибудь в тени...

Сложив ладони, Адриен позвал:

— Эй! Флетчер! Флетчер Салиндро!

В ответ пронзительно крикнул сокол.

Три месяца назад сюда еще заходили случайные туристы, чтобы устроить пикник или просто полюбоваться красотой пейзажа. А потом произошла серия несчастных случаев. Четверо раненых, одна женщина очень тяжело. Всего за три месяца, одним и тем же способом...

Сокол снова издал печальный крик.

Да что с ним такое?

Заслонив глаза от солнца, Адриен внимательно посмотрел на птицу.

Она кружила низко над землей. Адриен заметил, что диаметр спирали не изменился с тех пор, как он взглянул на птицу первый раз. Обычно этот хищник описывает круги над добычей, постоянно сокращая их, пока наконец не бросится на жертву. Однако сейчас он, казалось, был не готов пикировать, будто заметил добычу, но не решался на нее напасть.

Что с тобой, дружище? Что тебя тревожит?

Озадаченный, Адриен направился к тому месту, над которым кружил сокол. Оно находилось всего в десяти метрах от него.

Трава там оказалась такой высокой, что доставала почти до пояса. Воздух был тяжелым от зноя.

Ноздри лесника уловили запах.

Едкий, кислый. Запах подгнившей плоти.

Адриен увидел черный кожаный сапог, согнутую ногу и тело мужчины, лежащего под солнцем.

Он поднял глаза и посмотрел на лицо того, кто должен был быть Флетчером Салиндро.

Несмотря на невыносимый июньский зной, у Адриена застучали зубы.

Вечернее солнце садилось, рисуя на деревьях оранжевые узоры. На склоне холма стоял дом-шале с террасой из белого кедра. Издалека он напоминал маленькую бригантину, затерянную в зеленом океане. Длинная терраса делала шале похожим на пиратское судно, центральная свая которого поднималась из земли и на высоте шести метров пронзала плоскую крышу, как обнаженная мачта. Одна из дверей застекленной террасы была открыта.

Когда в дом проникли последние пурпурные лучи света, из него донеслись звуки музыки.

Это были меланхоличные переливы фортепиано, гармоничные, порой неуверенные. Судя по всему, музыкант не был мастером своего дела: в музыке для него гораздо важнее были эмоции, а не техника. Произведение отдаленно напоминало «Лунную сонату» Бетховена.

За лакированным роялем «Бёзендорфер» сидел мужчина. Его длинные пальцы ритмично опускались на клавиши. Он играл для себя, импровизируя свой воздушный монолог на незнакомом языке.

Джошуа Бролен резко остановился, опустил крышку и тихо пересек гостиную, ступая босыми ногами по мягкому ковру. Он был раздосадован тем, что уровень мастерства не позволяет ему выразить себя в полной мере. Плеснув в стакан ликера, он вышел на террасу. Кедр, гладкий и горячий, еще хранил нежный поцелуй прекрасного полудня.

Из земли медленно вырастали тени, поднимаясь по деревьям вокруг шале. Солнце на горизонте сжалось до крошечной цветной точки.

— Ну вот, — пробормотал Бролен. — Снова ночь.

Его черные волосы колыхались на ветру, и на мгновение длинные волнистые пряди закрыли глаза. Определить возраст этого мужчины было непросто. Судя по лицу, ему не исполнилось и тридцати (что было недалеко от истины), но глаза при-

надлежали человеку, который прожил как минимум на двадцать лет больше.

Шелковая рубаша билась на ветру, как парус.

Там, в сумерках, скрывалось его прошлое. Портленд, в котором он работал инспектором полиции, тихий городок на западе с рекой Уилламетт и ее странными туманами, из которых три года назад вышло чудовище. Он глотнул ликера и посмотрел на окружающий лес, затерянный уголок, который выбрал сам. Здесь он был наедине со своим одиночеством, вдали от суетливой цивилизации, смеси форматированного счастья и виртуальной близости. Чтобы чувствовать себя хорошо, ему не нужна была иллюзия других жизней. Для этого ему вполне хватало пения птиц и шелеста листвы.

Прибывший Сапфир вывел его из задумчивости. Пес, помесь немецкой овчарки и лабрадора, уселся у ног хозяина и приветливо посмотрел на него. Брошенного щенка Бролен нашел на старом складе в Нью-Йорке пять месяцев назад.

Бролен осушил стакан и пошел в дом. Сапфир последовал за ним.

Несколько месяцев назад Бролен стал замечать, что ночь способна подчеркивать недостатки, превращая дневные тревоги и разочарования в страхи и боль. Он догадывался об этом давно, но некоторое время назад начал этого бояться. Он спал все меньше, а украденное у сна время целиком отдавал работе. За удивительно короткий срок он заработал в кругу частных детективов отличную репутацию. Он специализировался на исчезновении людей и считался в этой области одним из лучших специалистов.

Он вошел в отделанный деревом кабинет, по всей длине которого проходили несущие балки. К одной из них была прикреплена паутинка «Ловец снов», такие же паутинки висели и в остальных комнатах дома. По словам самого Бролена, это не было связано с суеверием, а носило скорее символический характер.

В дом со всех сторон стала проникать принесенная ночью свежесть.

Бролен взял с письменного стола досье. Это было его последнее дело: похищение семнадцатилетней девушки, которая на самом деле сбежала со своим парнем. Вовсе не та история, ради

которой он поклялся работать не покладая рук. Он бросил досье на пол — дело было раскрыто.

Ища взглядом что-нибудь интересное, он заметил, что в кабинете очень темно, и зажег настольную лампу.

Ноутбук, факс, заставленные папками полки — в этой комнате не было никаких сокровищ и уж тем более тайников. Бролен застыл в нерешительности: уже несколько недель во время таких ночных блужданий он сгорал от желания подойти к телефону и набрать заветный номер.

Может быть, это желание возникло из-за того, что он мало говорил и редко виделся с людьми. Ведь он общался лишь с несколькими полицейскими (Ллойдом Митсом, Ларри Салиндро и другими), но все они напоминали ему о прошлом, о котором хотелось забыть.

Вот почему ему так сильно не хватало ее.

Не физически, не духовно. Просто она была очень на него похожа.

Аннабель. Его подруга.

Они встретились в Нью-Йорке в январе прошлого года в ходе особого расследования и, как говорится, нашли друг друга. Они умели молчать об одном и том же, не испытывая смущения в присутствии другого, и понимали друг друга без слов.

Они не виделись почти пять месяцев.

Вначале он не испытывал ничего, кроме ностальгии, а сейчас в нем пробудилось желание.

Минуту спустя он держал в руке телефон и набирал номер. Он делал это уже сотни раз, но всегда вешал трубку. Теперь он подождал и услышал гудок.

На звонок ответили после третьего сигнала, когда он уже собирался снова струсить и положить трубку. Услышав голос Аннабель, Бролен вспомнил ее длинные волосы и приятный аромат духов, который ему удавалось уловить во время их редких встреч.

— Аннабель О'Доннел слушает.

Бролен едва заметно улыбнулся.

— Алло! — повторила она.

— Добрый вечер, — сказал он.

После короткого молчания Аннабель спросила:

— Джошуа?